

Побочная история 6.1: Утро в Миндис Холле.

Кел вошёл во двор Миндис Холла. Он шёл по каменной дорожке, залитой утренним светом и утопающей в зелени растений. И настроение у него было прекрасное.

Конечно, ведь, судя по сегодняшнему графику этого старого упрямого дурака, он уже подготовил свой экипаж и в сопровождении свиты покинул город. Кел слышал, что он отправился с инспекцией на Юг, что займёт не менее одного-двух месяцев.

Когда Кел думал об этом, ему казалось, что даже небо становилось более ясным. Что же до домашнего ареста, под который его посадил старый упрямый дурак... Да кого это волнует?

Ну ладно, возможно, кого-то это действительно заботило.

Когда Кел подошёл к входу в поместье, Ноланур, стоявший на страже у колонны, уставился на него глупым взглядом, в котором читалось: «Почему ты здесь?». И именно по этой причине Кел привёл с собой Вала. Прежде чем Ноланур смог открыть рот и что-то сказать, Вал прочистил горло, вышел вперёд под пристальным взглядом Кела и громким голосом, свойственным только северянам, начал усложнять жизнь своему младшему брату. Как один из членов Королевской Гвардии, Ноланур Арунде мог без колебаний разделаться с убийцами, но он совершенно не мог справиться с выходками своего родного старшего брата. Кел это очень хорошо знал, и, пока у Ноланура не было ни времени, ни сил, чтобы переживать о нём, он легко пробрался внутрь.

Возможно, это потому, что старого упрямого дурака не было в городе, но защита Миндис Холла в этот день была не такой уж сильной. Лишь горстка слуг в спешке сновала туда-сюда. Солдаты частной армии Джейдстар дежурили на периферии, и лишь немногие из элиты Королевской Гвардии бдительно стояли на страже в некоторых стратегически важных местах.

Морион нёс пост у боковой двери в левой части холла и пристально осматривал окружение. Рого стоял напротив него, отвечая за правую часть. Сейчас он прислонился к стене и задремал. А прямо на пути Кела застыл Тони. Заложив руки за спину, он твёрдо стоял на месте. Позади него находилась лестница, а также портреты трёх Королей Созвездия.

- Его Величество приказал вам оставаться под домашним арестом. - Голос Тони был бесстрастным. - Вас не должно быть здесь.

Кел фыркнул и продолжил идти к лестнице.

- Не твоё дело, где я, и куда я иду.

Но Тони протянул руку, чтобы остановить его.

- Возвращайтесь. - Холодно произнёс он тоном, не терпящем возражений. - Это в ваших же интересах.

Взгляд Кела скользнул по мечу на поясе Тони. Он свисал по диагонали позади него.

«Как хлопотно...»

Кел всегда считал, что в мире существует два типа людей. К одному из них относились те, кого он мог победить, а к другому - люди, для победы над которыми ему необходимо было позвать

на помощь Вала или своего могущественного подчинённого Кальнара. Но, без сомнения, знаменитый глава авангарда Королевской Гвардии лорд Калард Тони относился к третьему типу людей. Морион и Рого смотрели в другую сторону, краем глаза наблюдая за ситуацией, как будто в предвкушении того, что произойдёт дальше. Кел вздохнул и отступил на шаг.

- Хорошо. Знаешь, чем всё закончится?

Тони поджал губы. Кел ярко улыбнулся и начал весело жестикулировать, чтобы сильнее подчеркнуть свои слова.

- Я попытаюсь подняться, а вы все не захотите меня пропускать. Тогда я стану упорствовать, и вы нападёте на меня, но я буду сопротивляться, и моё сопротивление будет настолько сильно, что вызовет большой переполох. Затем сюда прибудет военный курьер с приказом и заставит вас прекратить борьбу, после чего вам прикажут сопроводить меня.

Тони нахмурился и бросил взгляд на лестницу позади себя. Кел сложил руки на груди и уверенно улыбнулся.

- Так почему бы нам не пропустить все эти промежуточные шаги и не перейти сразу к тому, что неизбежно произойдёт под конец нашей встречи? Позвольте мне подняться наверх.

Выражение лица Тони стало ещё более неприятным. Стоящий в стороне Морион подмигнул и указал наверх.

- Хм, я думаю... возможно, в чём-то он прав. Я хочу сказать, почему бы нам просто не позволить ему подняться?

В правой части зала губы Рого изогнулись вверх. Он выглядел так, будто хотел рассмеяться, и вёл заведомо проигрышную битву, сдерживая свой смех. Кел почувствовал, что он действительно победил, потому что Тони сердито фыркнул и отошёл в сторону, вместо того чтобы что-то предпринять.

- Так-то лучше. - Распираемый от высокомерия Кел поднял голову, задрал нос к небу, как победитель, и прошёл мимо Тони, игнорируя взбешённое выражение лица последнего.

Чтобы сильнее его позлить, Кел даже поднял руки и принялся ритмично щёлкать пальцами, покачивать плечами и выстукивать чечётку, что-то при этом напевая. Он не обратил внимания на странные выражения лиц у слуг и стражников вокруг него и проворно поднялся по лестнице.

Кел высокомерно прошёл мимо портретов трёх Королей Созвездия: Короля-ублюдка, Короля-С-Идеальной-Женой и Короля-Множества-Долгов (в последний раз, когда он так назвал Добродетельного Короля, старый упрямый дурак лично затащил его в семейную гробницу Джейдстар и нанёс тридцать ударов палкой. Он бы и дальше продолжал его бить, если бы беременная мать Кела не прибежала со своего чаепития к нему на помощь).

Затем он уставился на двух служанок внизу, шокируя их так сильно, что они сбежали, поджав хвосты. Кел засмотрелся на заднюю часть довольно молодой служанки, любуясь её подпрыгивающими ягодицами, и с удовлетворением подумал:

«Этот день всё ещё прекрасен, не так ли?»

Но прежде, чем он успел сделать ещё несколько шагов, он заметил крепкого мужчину в

чёрной одежде с двумя подчинёнными по бокам, который спускался в его сторону. Бодрые шаги Кела мгновенно прекратились.

«О нет.»

В тот момент, когда Кел увидел человека в чёрном, у него сжалось сердце.

«Это он, тот, кого я больше всего не хотел бы видеть. САМЫЙ нежелательный, а не один из тех, кого я больше всего не хотел бы видеть. Почему он здесь, а не там, где ему самое место? Например, в грязных армейских лагерях на коварном Севере, где пьют человеческую кровь и обезглавливают людей?»

Кел обеспокоенно наморщился. С привычной лёгкостью он опустил голову, прижал подбородок к груди и отошёл в сторону, пытаясь казаться как можно незаметнее. Он тихо повернулся, как смиренный слуга, намереваясь ускользнуть и всё ещё надеясь, что человек в чёрном проигнорирует его. Но в конце концов сбылись его опасения.

- И куда это ты собрался?

Шаги Кела застыли. С верхних ступеней до него донёлся смутно знакомый голос. Он был похож на звуки старого органа, гниющего много лет. Когда кто-нибудь играл на нём, каждая труба становилась опасным оружием, с лёгкостью способным убить.

- Это так ты встречаешь меня после того, как мы не виделись целый год?

Человек в чёрном величественной походкой направился к парню. Его присутствие внушало трепет.

Прямо на глазах у Кела Морион, Рого и Тони, стоящие внизу, одновременно выпрямили спины и почтительно кивнули мужчине в знак уважения. Кел никогда не получал от них такого обращения.

«Погодите.»

Кел взглянул вниз на Мориона и внезапно кое-что понял.

«Они знали, что он был здесь. Они подстроили это специально.»

- Ты прячешься, убегаешь и игнорируешь меня, будто не заметил... точно так же, как ты бежишь от своей личности и обязанностей.

У человека был острый, как лезвие, взгляд, твёрдое выражение лица, широкая грудь и негибкая осанка. А главное, он появился и, словно морозная зима, прогнал всё тепло в холле, заменив его тяжёлой и напряжённой атмосферой. Кел выдохнул, смирившись со своей судьбой. Почувствовав, как пробегают мурашки по коже, он обернулся.

Человек в чёрном теперь возвышался прямо над ним. Он холодно произнёс:

- Мой дорогой младший брат.

На лбу Кела выступил холодный пот. Паника и страх, каких он давно не испытывал, одновременно захлестнули его сердце.

«Чёрт.»

Кел про себя застонал. Он не хотел смотреть этому человеку в глаза, и вовсе даже не потому, что не осмеливался. Его взгляд задержался на ткани одежды на уровне груди мужчины.

«Я его не боюсь. Кел, ты его не боишься. Чёрт возьми, Кел, ты не боишься его!»

Трижды повторил про себя Кел. Он поднял голову и заставил себя неестественно улыбнуться.

- Привет, Гораций, мой дорогой брат. Что за погодка на улице... Когда ты вернулся в столицу? - Только боги знали, сколько усилий стоило Келу заставить себя произнести эти слова, когда его обуяли страх и нервозность.

Между бровями Горация появилась лёгкая складка, и от этого движения казалось, что температура вокруг него начала падать. В самом деле, исключительно отважный, кровожадный, большой и крепкий второй брат Кела, который был слегка ненормальным из-за недостатка любви, - это человек, которого Кел не хотел видеть больше всего на свете. Конечно, обычно Кел не упоминал про ненормальность прямо перед своим вторым братом.

- Если бы я пораньше узнал, я бы подготовил...

Гораций на мгновение посмотрел на Кела, и его взгляд стал холоднее. Когда лёд в его глазах практически стал способным заморозить целую гору, он зловеще хмыкнул и прервал Кела.

- Я слышал... Когда полицейский участок преследовал беглеца из тюрьмы, они «случайно» вытащили тебя из некоего клуба на Рынке Красной Улицы.

Улыбка Кела тут же застыла.

«Постойте. Это...»

Гораций продолжал бесстрастно смотреть на Кела.

«Хорошо, как и всегда, этот человек не собирается ходить вокруг да около, но...»

Кел с трудом покачал головой, отчего его щёки задёргались. Он начал говорить, но его игривый тон звучал неестественно.

- Нет, нет, нет, ты ошибаешься. Я всего лишь хотел обсудить с друзьями литературу и искусство. Атмосфера на Рынке Красной Улицы довольно приятная, поэтому мы заказали комнату, чтобы за бокалом вина поговорить о поэтических вечерах, проводимых знатно в период правления Красного Короля...

Гораций слегка прищурился и медленно подошёл к Келу. С его крепкой фигурой это было похоже на гору, подавляющую одним только своим видом.

- Друзья? Обсуждение литературы и искусства?

Кел кивнул с наивным и невинным видом.

- Ну, знаешь... такое, как любит организовывать Герман...

Гораций всё так же холодно смотрел на него.

- Но Герман никогда не организовывал никаких обсуждений литературы и искусства в два часа ночи, тем более на роскошной, большой и мягкой кровати на Рынке Красной Улицы. - Ледяным

тоном произнёс второй принц.

«Ночь... Кровать...»

В сердце Кела зародилось плохое предчувствие.

- Он также не валялся в пьяном виде между тремя обнажёнными женщинами, когда в комнату вламываются полицейские. Его никогда не вытаскивали на улицу в чём мать родила, и не волокли так до тех пор, пока не прозвучала фамилия королевской семьи. - Гораций говорил очень медленно, и каждое его слово звучало как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба.

Выражение лица Кела застыло.

«Чёрт. Разве это не должно было быть секретом? Откуда он про это узнал? В полицейском участке?»

И он готов был поклясться своей жизнью, что, когда Гораций упомянул обнажённых женщин, Морион, стоящий под лестницей, украдкой взглянул на них, еле сдерживая смех.

Хотя то, что Кел находился под домашним арестом, и стало достоянием общественности, причина этого... Старый упрямый дурак издал строгий приказ, что кроме причастных к этому происшествию людей, никто не должен знать о нём, а все материалы дела должны быть скрыты.

Кел неловко отвернулся и посмотрел в сторону.

- Эм... откуда ты узнал об этом?

В глазах Горация было презрение.

- От своей жены. А она слышала об этом от мадам Херблан.

- Мадам Херблан? Подожди, это значит... - Кел кое-что понял. Мысль о том, что у него теперь большие неприятности, крепко засела в голове.

«О нет. Эти шайки столичных дворянок, обожающих сплетни... Проклятые болтуны! Больше они от меня ничего не дождутся! Ну, может, кроме мадам Элис. В конце концов, её стоны слишком приятны...»

Но голос Горация вернул мысли Кела, которые унесло совсем в другую сторону.

- Когда тебя застали обнажённым в публичном месте, лежащим в обнимку с обычной шлюхой, вдовой знатного чиновника и женой виконта, который совершенно не подозревал о её измене, а половина улицы узнала о твоём статусе... - Его второй брат даже не потрудился скрыть отвращение в голосе. - Ты хоть представляешь, сколько усилий стоило отцу разобраться с тем беспорядком, который ты после себя оставил, защитить достоинство королевской семьи, лояльность знати и стабильность своего правления? И всё это из-за того, что ты не можешь контролировать свою похоть.

Кел приподнял бровь. Он не представлял, потому что ему не было до этого дела.

«Хотя... Я до сих пор помню удары плетью, которые получил во Дворце Возрождения, как будто это было вчера. А ещё приказы о продвижении по службе и ценные подарки, призванные успокоить некоторых вассалов, особенно того мужа, известного теперь на всю столицу своими

огромными рогами. Но я уверен, что этот трус, любивший слушать болезненные крики жены, был доволен своим повышением по службе в обмен на измену жены. Разве этого мало?»

- Каждый раз, когда мы думаем, что ты успокоился и взялся за ум, ты тут же выпрыгиваешь и напоминаешь, что ты всё ещё тот самый глупый клоун, от которого нас всех тошнит.

Кел почувствовал, что его бьёт мелкая дрожь.

- Наши враги должны быть искренне тебе благодарны. Усилиями лишь тебя одного наши фамилия и семья превратились в посмешище для всего королевства. - Взгляд Горация был похож на взгляды судей военного трибунала в армейских лагерях.

«Только послушайте, это всё, что его заботит: фамилия и семья. Как банально, тебя волнует хоть что-то ещё, кроме этого?»

Кел фыркнул про себя и принял решение.

«Я ОПРЕДЕЛЕННО не уступлю этому высокомерному ублюдку».

И он точно знал, как рассердить Горация. Кел беззаботно хихикнул.

- Посмешище? Не уверен насчёт остального, но в ту ночь мадам Элис довольно счастливо смеялась. Я имею в виду, кто не любит обсуждать поэзию и литературу.

К большому удовлетворению Кела, выражение лица Горация становилось всё более мрачным.

«Правильно, чем больше ты злишься, тем я счастливее. Если этот чёртов болван думал, что может...»

Кел развёл руками и вызывающе улыбнулся.

- Конечно, возможно, ты этого не понимаешь, ведь тебе больше нравится находиться в армейских казармах, где ты можешь общаться с тысячами горячих мускулистых мужчин, а ваши потные плечи каждую ночь трутся друг об друга...

В следующую секунду правая рука Горация внезапно устремилась вперёд. Положение пальцев на ней напоминало когти орла!

Щёлк!

Он схватил Кела за плечо.

Кел вздрогнул. Внезапная боль заставила его резко втянуть воздух, прежде чем зашипеть. Он инстинктивно поднял руку, отчаянно сопротивляясь захвату Горация.

Но его брат использовал какой-то боевой приём: от удара второго принца левой рукой Кел почувствовал, как онемение охватило его правое запястье, после чего рука повисла безвольной плетью.

- И это всё, на что ты способен? - Гораций приблизился к нему, не отводя своего острого, как бритва, взгляда. Он медленно увеличивал силу сжатия, причиняя Келу такую боль, что у того на лбу выступил пот. - Ты не способен даже разбить яйцо, как же ты спишь с женщинами? Должно быть, это они тебя имеют?

«Чёрт! Чёрт! Проклятье!»

Лицо Кела перекоилось. Его плечи задрожали. Он повернулся и изо всех сил попытался дать отпор этой огромной грубой руке, похожей на железный крюк. Парень страстно желал вырваться из хватки Горация, но всё было тщетно.

«Чёрт бы побрал этого верзилу! Откуда у него такая сила?!»

- Давай, плачь и кричи, прям как раньше. Жаль только, мама больше не сможет тебя спасти. - Как будто в глазах Горация бушевала буря. - Или, может, ты снова трусливо сбежишь из дома, как и три года назад? Ой, я забыл. Такой маменькин сыночек и неженка, как ты, даже не смог добраться до Холодного Замка, свалившись на обочине без гроша в кармане. После чего мои люди вернули тебя назад.

Кел попытался пнуть брата правой ногой, но Гораций заметил это и отодвинул лодыжку прежде, чем Кел успел зацепить своего обидчика. Его нога вернулась назад, не нанеся противнику никакого урона.

Позади Горация стояли двое его подчинённых, у которых на лицах застыло свирепое выражение, давая понять, что эти люди не страдают от излишней добросердечности. Бах и Салджи, казалось, привыкли к тому, что их мастер использует физические методы воздействия в воспитательных целях. Они только переглянулись, после чего отступили на несколько шагов и направили взгляды в разные стороны, позволив принцам самим решать свои проблемы.

- Скажи мне, прошло уже столько лет, когда ты наконец научишься не тратить время в пустую, перестанешь быть позором для семьи и прекратишь тащить нас вниз? - Голос Горация был довольно жутким. Его хватка стала сильнее, заставляя Кела медленно сгибать колени.

От плеча и ключицы волны сильной боли обрушились на всё тело Кела, почти доведя его до потери сознания. Но это уже было не важно...

- Когда ты наконец перестанешь быть похожим на крысиное дерьмо в кастрюле, вызывая отвращение своим присутствием?

Лицо Кела покраснело от боли. Пытаясь казаться сильным, он впился взглядом в своего старшего брата. Парень не молил о пощаде, не кричал от боли, не говоря уже о том, чтобы склонить голову и признать свою вину.

Он не мог принять поражение, не мог проявить слабость, особенно перед этим сумасшедшим. Как и множество раз до этого, он не мог!

- Ты говоришь, когда?.. - Лицо Кела было искажено, его зрение затуманилось, но даже так он упорно продолжал через силу улыбаться. - Возможно... никогда.

Очевидно, Горацию не понравился его ответ. Мышцы на руке второго принца - в отличной форме от постоянных армейских тренировок в течение года - слегка подрагивали. В следующую секунду Кел почувствовал, как рука, сжимавшая его плечо, сменила положение. Это вызвало такую боль, что она смогла достичь самых глубин его души! От невыносимых мучений лицо Кела побледнело. В надежде уменьшить агонию он подсознательно ссутулился. Измученное тело каждой своей клеткой сквозь эту адскую боль пыталось донести до своего владельца простую мысль: «Нужно вырваться из лап этого отморозка».

Вал, вероятно, всё ещё спорил у входа со своим братом, пытаясь задержать его. Кальнару было

приказано отправиться домой и поразмыслить над своим поведением, поэтому Кел не мог рассчитывать на своего подчинённого...

Королевские гвардейцы, стоящие внизу, должно быть, заметили потасовку, но предпочли остаться верными своему долгу и продолжали нести стражу на своих постах, делая вид, что ничего не происходит. Кел начал сожалеть о своём ужасном отношении к ним.

Именно в этот момент...

- Я не хочу прерывать тебя, Гораций... - Перед ним раздался сильный, освежающий и приятный мужской голос. В нём сквозили лёгкие дразнящие нотки. - Но, кажется, вы двое... заблокировали лестницу.

Услышав этот голос, Гораций холодно фыркнул, и его хватка на плече Кела немного ослабла. Парень выдохнул, больше не испытывая такой сильной боли, но Гораций даже не удостоил его взглядом.

Подчинённые второго принца, Бах и Салджи, отступили в сторону и слегка поклонились только что прибывшему человеку.

У него была худощавая фигура, но при этом его нельзя назвать тощим. У него была светлая кожа, но это не делало его слабым. Когда он подходил к основанию лестницы и поднял голову, чтобы взглянуть наверх, то невольно позволил всем присутствующим почувствовать себя освежёнными.

Несмотря на то, что они видели этого человека много раз, Кел должен был признать: будь то он или Гораций, при взгляде на него, их всегда привлекало его лицо. Кел на время даже забыл о своей боли. Никаких других причин для этого не было. Всё потому, что этот человек был... слишком красив.

Форма лица, казалось, вручную высечена каким-то мастером. Каждая деталь была идеальной: ни резкой, ни навязчивой, ни заурядной.

У него была естественная и элегантная манера поведения, но при этом он также казался отважным и бесстрашным. Когда он не улыбался, то выглядел как образ с портрета, как изящно выполненная скульптура. Когда улыбался, то был похож на само солнце. Для всех, кто видел его в такие моменты, это становилось незабываемым зрелищем.

Выражение его глаз производило ещё большее впечатление: когда они сияли, то были похожи на два очаровывающих водоворота; когда тускнели, то придавали ему меланхоличный вид, заставляя сердца окружающих сжиматься от боли и сопереживания; когда он смотрел кому-то прямо в глаза - казался искренним; когда поглядывал на кого-то искоса, то выглядел величественным и преисполненным достоинства.

- Посмотри на него, ведёт себя как засранец. - Произнёс Гораций, так и не взглянув в сторону бледного Кела, но всё ещё прижимая его рукой. - Я не понимаю, как так вышло, что мы с ним братья, и почему у нас с ним даже одна фамилия?

Потрясающе красивый мужчина бросил взгляд на Кела, прежде чем уголки его губ приподнялись в улыбке. Как будто распустившийся на лице цветок, его улыбка на мгновение ослепила парня.

- Да. Я тоже иногда об этом задумываюсь. - Новоприбывший красавец пожал плечами.

Кел вздрогнул.

«Братья. Это мои братья. Моя семья и моя... проклятая родословная. Я бы предпочёл, чтобы всего этого у меня не было».

Когда его посетили такие мысли, он стиснул зубы и снова поднял голову, после чего яростно выпалил.

- И правда, почему? Сходи и задай этот вопрос нашей матери.

Выражение лица Горация наполнилось стужей. Он приложил силу к пальцам, и Кел почувствовал, как его плечо снова накрывает волна боли. Но в этот момент красивый мужчина рядом с ними тихонько кашлянул.

- Не обращай на него внимания, Гораций. Твоё время намного дороже, чем время этого болвана, тебе не стоит тратить его впустую. - Красивый мужчина указал вверх над собой и расплылся в улыбке, которая показалась бы привлекательной как мужчинам, так и женщинам. - Кроме того, это ЕГО Холл, ЕГО территория. Тебе не следует делать здесь с этим паршивцем всё, что захочется.

Эти слова подействовали. По крайней мере, Гораций какое-то время задумчиво молчал.

Кел продолжал сопротивляться «проявлению любви» старшего брата, но его борьба была тщетной. Складывалось ощущение, что своими попытками навредить Горацию он делает хуже только себе.

Через несколько секунд второй принц, казалось, что-то понял, и, наконец, отпустил.

Освободившись от хватки Горация, Кел прислонился к перилам лестницы и, тяжело дыша, потирал похожее на сдувшийся шарик плечо. Он кинул взгляд на красивого парня, закатил глаза и тихо произнёс его имя.

- Герман.

Если бы кто-нибудь спросил Кела, что могло быть хуже, чем столкнуться утром с братом-придурком, то он ответил бы так: столкнуться с двумя придурками, которые также оказались его братьями. Правильно. Герман Джейдстар был младшим из его старших братьев.

Кел сердито посмотрел на Германа и своим внимательным взглядом подметил, что в его глазах, как обычно, сквозило высокомерие, презрение и отвращение. Но самое главное...

«Чёрт возьми, почему он такой красивый?!»

Следует признать, среди всех братьев только Кел и Герман пошли в их мать, но, откровенно говоря, тем, кто унаследовал красоту матери, был один лишь Герман.

Возможно, слово «красивый» было бы не очень точным, но, честно говоря, использовать любое мужское прилагательное для описания Германа было бы слишком грубо и вульгарно, а эпитеты, обычно используемые для восхваления женщин - слишком женственны. Они не могли подчеркнуть силу и мужественность Германа.

Поэтому Кел придумал ему прозвище, которое не казалось бы слишком грубым и brutальным, но в то же время точно не будет принято за что-то, чем можно назвать женщину.

Сисси. [1]

Хотя Кел был уверен, что ни один человек, хоть раз видевший Германа, не согласится с тем, что этот термин ему подходит, что ещё было делать Келу? В мире существует слишком много слов, и он просто выбрал одно из них для своего брата. И это вовсе не потому, что он завидовал внешности Германа... Ну, может немного, но не сильно.

Тем не менее, Кел никогда не забудет, что Герман Джейдстар всегда был тем, кто привлекал больше всего внимания. В течение многих лет на всех балах, которые они посещали, все женщины в столице, а может быть, даже и некоторые мужчины, сначала смотрели именно на него. Также всё это время он удерживал титул чемпиона в номинации «человек, с которым я хотела бы провести страстную ночь», и его позиция была непоколебима.

И всё же этот сисси всегда строил из себя недотрогу. Он выставлял всё так, что, если кто-то хотел заполучить его, им для начала нужно было от чего-то отказаться, словно это естественный закон мироздания. Он важничал, притворялся праведным и никогда не церемонился с теми, кто всеми способами пытался ему угодить, всячески демонстрируя свой любовный интерес. Но так женщины ещё больше сходили по нему с ума.

Из-за этого подлого лицемера с лживой натурой и целым ворохом грязных секретов, Келу пришлось довольствоваться ролью невзрачного вульгарного бабника, готового иметь любую дырку, какая только попадётся, несмотря на то что в его жилах течёт королевская кровь. И каждый раз Герман смотрел на него с отвращением...

К разговору присоединился монотонный и гулкий голос.

- Какие-то проблемы, ваши высочества?

Под звуки приближающихся шагов в верхней части лестницы появился мужчина с вытянутым лицом, одетый в форму гвардейца. Он устоял на трёх принцев.

Заметив этого человека, Гораций прищурился и пристально посмотрел на него. Кел неосознанно сгорбился. Четвёртый принц, Герман, пожал плечами и приветственно кивнул в манере, подобающей принцу. После чего произнёс приятным голосом с блестящей улыбкой на лице:

- Ничего подобного, лорд Закриэль. Здесь просто собрались братья, которые навёрстывают упущенное после долгой разлуки.

Лорд кивнул, но не сдвинулся с места, смотря на троицу ярко горящими глазами, как будто чего-то ждал. Гораций понял, чего тот хочет. Он ухмыльнулся и издал тихий смешок. Больше не обращая внимания на Кела, который, тяжело дыша, прислонился к перилам, Гораций, в сопровождении своих подчинённых, спустился по лестнице и с важным видом ушёл прочь.

Закриэль провожал их взглядом до самого выхода. Убедившись, что окончательно избежал катастрофы, Кел смог вздохнуть с облегчением. Герман слегка усмехнулся, повернул голову и бросил взгляд на Закриэля.

- Знаете, Ваша Светлость, мой брат всегда восхищался вами. Он считает, что вам следует служить королевству в армии, а не тратить время на Королевскую Гвардию.

Его слова заставили лица Тони, Мориона и Рого потемнеть.

Закриэль оставался невозмутимым.

- Я знаю.

Герман приподнял бровь и долго смотрел на мужчину, но, в конце концов, больше ничего не сказал.

- Хорошо. - Четвёртый принц со вздохом кивнул. - Возможно, именно поэтому ты ему и нравишься.

Закриэль промолчал.

Герман повернулся, протянул руку и попытался поддержать Кела, но его неблагодарный брат оттолкнул руку помощи.

- Значит, теперь ты с ним общаешься? - Кел холодно посмотрел на него. - Ты способен поддерживать хорошие отношения со всеми своими братьями, и это доставляет тебе удовольствие?

Прекрасный принц нахмурился.

- Не важно, что я чувствую, важно то, что если бы меня не оказалось рядом, ты и Гораций...

Кел бросил на него высокомерный взгляд.

- Хватит, сисси, мы все прекрасно знаем, что ты за человек. Перестать притворяться.

Герман не смог удержаться от смеха. Он что-то тихо пробормотал и покачал головой. Его красивые и утончённые черты лица, благодаря которым он выглядел так, будто сошел с портрета, слегка светились от лучей солнца, из-за чего было сложно на него смотреть.

- Сделай мне одолжение, Кессель. - Герман снова назвал его полным именем. Только небесам известно, как сильно он его ненавидел. Кел с презрением отвернулся.

Герман засмеялся и сказал:

- В следующий раз, когда ты соберёшься провести ещё одно из своих «обсуждений литературы и поэзии», купи себе шляпу и закрой её.

Когда он услышал слова «обсуждений литературы и поэзии», у Кела появилось плохое предчувствие. Но кое-что вызвало у него удивление.

«Шляпу?»

- Купить шляпу и закрыть? Ты о чём? - непонимающе спросил он.

Как заботливый старший брат, Герман нежно прикоснулся к голове младшего брата, прежде чем Кел успел отреагировать на его действия. После чего улыбнулся так ярко, словно солнце.

- Ты не можешь понять даже этого? Глупышка. Тебе нужно купить шляпу... и закрыть дыру в своей голове.

«Что? Зачем мне закрывать дыру в моей...»

Кел прикоснулся к макушке, и до него внезапно дошёл смысл слов Германа.

- Почему бы мне не закрыть ТВОЮ дыру, сукин ты сын?!

Но Герман уже грациозно и неторопливо направился к выходу. Он ушёл вслед за холодным и резким Горацием, оставив Кела позади топтать в гневе ногами.

- Герман Джейдстар, свинья ты такая, это у тебя дыра в голове!

- У всей твоей семьи дыры.

«Постой, что-то не то... Как бы то ни было, он считает себя крутым только потому, что красивый? Он думает, раз он красивый, ему можно делать что вздумается?»

Кел отвернулся, бормоча себе под нос. Он разгладил складки на своей одежде, проклиная это ужасное утро.

Но внезапно по его спине пробежал холодок, и он медленно поднял глаза. Пенитенциарный офицер Закриэль всё так же неподвижно стоял на верхних ступенях лестницы и равнодушно смотрел на Кела. Это действительно пугало. Как будто Закриэль хотел о чём-то ему напомнить. Кел вздрогнул. Он понял, что имел в виду пенитенциарный офицер.

«Верно. Как я мог забыть?»

Кел взглянул на Закриэля и мрачно подумал:

«Как я мог забыть, что человек, который хлестал меня по приказу короля, стоит прямо передо мной, когда раны на моей спине всё ещё не зажили?»

Избегая направленного на него сверху взгляда, Кел собрался с силами и замахал рукой.

- Я знаю, что нахожусь под домашним арестом, но я пришел сюда только сегодня, чтобы...

Но мужчина с вытянутым лицом не стал ждать, пока он закончит говорить. Он молча развернулся и исчез из поля зрения парня.

Кел стоял с застывшим лицом. Он мог только отвернуться, наполненный разочарованием и недовольством. Его поднятые в воздух руки медленно опустились в знак смирения.

«Ну, так тоже не плохо. По крайней мере, он ничего не спрашивал про обнажённых женщин».

Кел кинул задиристый взгляд «чего вылупился» на портрет Короля-С-Идеальной-Женой и продолжил подниматься по лестнице, пока не добрался до второго этажа, где застыл в изумлении.

Окно от пола до потолка на втором этаже было распахнуто настежь. Перед ним стояли два огромных холста и бесчисленное количество красок.

Между холстами сидел толстый мужчина в роскошной одежде. Он был повернут спиной к Келу, зажав между пальцами несколько кистей, и сосредоточенно рисовал утренний двор Миндис Холла.

Кел инстинктивно открыл рот и окликнул его.

- Толстяк!

Художник на мгновение замер.

Кел в ужасе уставился на холсты и прикинул расстояние до лестницы.

- Ты... ты всё это время был здесь? И всё слышал?

Пухлый мужчина повернул на стуле свой зад, показав непримечательное лицо. Его маленькие глазки утопали в мясистых щеках, непрерывно моргая.

- Я... не всё слышал. - Медленно произнёс полный мужчина, манерой речи напоминая нечистого на руку торговца. - Только то, что ты обсуждал литературу и поэзию с тремя, а может, с тринадцатью зрелыми женщинами, возможно, в голом виде.

Кел покачнулся и беззвучно взвыл:

«Иди ты. И ЭТО ты называешь «я не всё слышал»?»

- Не волнуйся. - Человек, которого Кел назвал Толстяком, похоже, заметил его отчаяние. Он тряхнул волосами и, казалось, обрадовался несчастью парня.

- Меня не интересует, что тебя заставляли связанным и обнажённым маршировать по улицам.

«Повторю ещё раз. И это ты называешь «я не всё слышал»?»

Кел чуть не сошёл с ума. Он уставился на Толстяка, пытающегося подавить смех, и почувствовал смущение и гнев.

- Я не был голым... Ах, без разницы. Я имею в виду, ты всё слышал, но просто сидел здесь и ничего не сделал?

Толстяк помахал кистью.

- Ага.

Кел впился в него взглядом.

- Ты видел этого кровожадного болвана? Видел, как только что он изливал на меня свой гнев?

- Ага.

- И ты видел своего близнеца? Как он завоевал расположение Горация? Как переступил через меня?

- Аа-га.

Полный мужчина равнодушно кивнул. Он оставался расслабленным и выглядел очень непринуждённо, не выказывая никаких признаков раскаяния. Кел покрыл пухлого мужчину отборным матом, но не стал делать этого вслух. Он знал, что Закриэль всё ещё где-то поблизости. Он обречённо махнул рукой, показав, что сдаётся, и вздохнул.

- Неплохо сыграно, чёртов Толстяк.

- Ты САМ устроил этот бардак. Так почему ты пытаешься втянуть в него меня? - Полный мужчина пожал плечами.

Кел поднял палец и изобразил на лице выражение «ты просто нечто», после чего холодно посмотрел на мужчину.

- Знаешь, Бэнкрофт, иногда даже я задаюсь вопросом, ты действительно мой старший брат? Мы правда родились от одной матери, или, может быть, она чихнула, когда рожала тебя?

Выражение лица мужчины, которого Кел назвал Толстяком, похолодело. Правильно, этим человеком был Бэнкрофт, его третий брат и близнец Германа.

Кел посмотрел на него и обнаружил, что из-за жира черты его лица слились в единую массу. Кел неосознанно нахмурился.

«Гораций больше всего похож на нашего отца, мы с Германом похожи на мать, что касается Бэнкрофта... он, наверное, похож на картошку, которую мать ела во время беременности».

Кел убедился в этом, когда с шести лет фигура Бэнкрофта начала расти вбок.

Его можно было считать наименее проблемным существом во всём Дворце Возрождения. За исключением пристрастия рисовать какие-то одухотворённые абстрактные изображения, смысл которых оставался для всех загадкой, в нём не было никаких серьёзных недостатков. Но Кел пришёл к такому заключению после того, как сравнил Бэнкрофта со своими вторым и четвёртым братьями. В конце концов, один из них был упрямым, а другой - показушником.

Однако это не означало, что Кел очень любил Бэнкрофта. На самом деле, всё было с точностью до наоборот. Позиция Бэнкрофта «ссоры братьев и сестер - не моя проблема» вместе с невежественным и невинным взглядом, вызывала у Кела отвращение. Хуже, чем тот, кто противостоит тебе, может быть только человек, полностью тебя игнорирующий.

Вот почему этот проклятый Толстяк всегда вызывал у Кела желание ударить его, хотя кулаки Кела только отскакивали от бесконечных слоёв жира Бэнкрофта. И как ему только... удаётся переспать с женщинами? Когда у него... встаёт, это вообще заметно? Разве он не утонет в его плоти?

Бэнкрофт посмотрел на Кела, как на кучу мусора, после чего тяжело вздохнул.

- Ты просто не понимаешь, не так ли?

Кел нахмурился.

- Что не понимаю?

Бэнкрофт бросил на Кела глубокий взгляд, затем покачал головой и махнул рукой в сторону колонны и сада за окном.

- На протяжении сотен лет дизайн и структура Миндис Холла являются классикой в мире искусства. Внутренний двор с садом - это уникальный шедевр, который будет передаваться из поколения в поколение. Каждый ракурс в Миндис Холле - словно пейзажная живопись. Многие художники и архитекторы хотели бы взглянуть на него, но у них нет и шанса.

Его голос был наполнен восхищением. Кел приподнял бровь. Он посмотрел в окно в том

направлении, куда указал Бэнкрофт, но увидел только тёмно-серые каменные колонны, а также разные цветы в окружении зеленых растений.

Он обернулся с довольно глупым видом.

- Пейзажная живопись... и что?

Бэнкрофт прекратил любоваться видом и только с большим трудом сохранил прежнее выражение лица.

- Но, когда ты стоишь здесь, юный Кессель... - Бэнкрофт схватил кисть и нанёс несколько клякс на картину. После чего продолжил с отвращением в голосе. - Это словно добавить пятно на холст. Именно поэтому, где бы ты ни был, ты везде остаёшься изгоем, и все вокруг тебя ненавидят. А теперь лучше скройся с глаз долой.

Под эти слова Бэнкрофт передвинул холст, развернул стул и отвернулся в другую сторону, оставив Келу вид на пухлый зад, выпирающий из туго натянутых штанов.

Улыбка Кела застыла. Ему инстинктивно захотелось пнуть холст брата.

- Не прикасайся к моим вещам. - Бэнкрофт даже не повернул голову. - Если ты это сделаешь, я не ручаюсь, что в следующем сезоне, когда отправлюсь на Юг с инспекцией, случайно не обмолвлюсь перед прекрасными дамами в Холме Клинка о твоих обсуждениях поэзии и литературы в голом виде.

Нога Кела, уже готовая пнуть холст, застыла в воздухе. Он пошевелил губами, но, в конце концов, неуклюже отвёл её в сторону.

- Прекрасно. - Выпалил Кел в гневе. - Просто обними эти свои никому не нужные картины, сожми руками крошечные фигурки на них и проживи так всю оставшуюся жизнь!

- Ты, тупой Толстяк, обреченный навсегда остаться без секса!

- Будь вечно одиноким!

Проклятый Толстяк даже не повернул голову. Он только поднял правую руку и показал Келу мясистый средний палец, держа в руке четыре кисти.

Кел поднялся на второй этаж, пыхтя от гнева. Но в голове у него продолжали крутиться одни и те же слова.

«Вот почему все тебя ненавидят... Все тебя ненавидят».

Кел сжал кулаки.

«Он не прав» - мрачно подумал про себя Кел.

«Бэнкрофт ошибается. Не все меня ненавидят.»

В прошлом мать любила его. Она смеялась над его шалостями, а когда старый упрямый дурак приходил от них в ярость, она хвалила Кела за творческий подход, независимо от того, соответствовало ли такое поведение его статусу или нет, и какие бы это ни вызывало последствия. Она любила его, пока...

«Не каждый.»

Кел остановился и поднял голову, уставившись на комнату перед ним – самую важную и главную комнату в Миндис Холле. Он сглотнул, откашлялся и поправил одежду.

Однако, прежде чем Кел успел постучать в дверь, она распахнулась. Помощник, родившийся в семье, принадлежащей к мелкой знати, поклонился Келу, улыбнулся и жестом пригласил принца войти.

- Его Высочество ждёт вас.

На сердце у Кела потеплело.

«Не все.» – Медленно повторил он про себя.

«Это не...»

Хоть этикет и принц Кессель редко встречались, Кел всё же вежливо поздоровался с дружелюбным подчинённым, сделав это в манере, подобающей принцу. Он даже вспомнил, что у помощника была фамилия Касо.

Кел сделал глубокий вдох и с самым большим энтузиазмом, на какой только был способен, бодрым шагом вошёл в комнату. Он знал, что хозяин комнаты не любит шума, но он никогда не злился на безрассудное поведение Кела.

Потому что... не все ненавидели Кела. Не каждый.

Примечания переводчика:

[1] Сисси - уничижительный термин для мальчика или человека, который нарушает или не соответствует стандартной мужской гендерной роли. Как правило, сисси подразумевает отсутствие мужества, силы, тестостерона, мужского либидо и стоицизма, которые традиционно важны для мужской роли.

<http://tl.rulate.ru/book/27483/1642500>